...Ранней весной сорок первого в пойме Конды много стерляди шло на нерест. Рыбацкие сети за считанные часы наполнялись. В каждом доме стояло по две-три бочки соленой стерляди. Такого на Конде не было отродясь. «Не к добру это, не к добру — шептались старухи,— стерлядка — рыба редкая, а раз её так много, значит, что-то случится»... Больше необычного ничего не предвещало.

Крайний Север — это особая местность, здесь даже первый весенний гром случается не в мае, как в средней полосе России, например, а в конце июня — начале июля. Примета есть такая у северян: через три недели после первого грома — созревает морошка. Потому первый гром так и называется морошковый.

Так было и в этот раз. Гром со шквальным ветром и большим градом случился в ночь с двадцать первого на двадцать второе июня. Утром весь Кондинск (тогда он назывался Нахрачи) стоял в огромных зеркальных лужах. На улицу выйти было нельзя. А двадцать третьего утром районный военкомат получил мобилизационную телеграмму. Через десять минут собрался личный состав сборного пункта, через шесть часов закончилось его оборудование. 24 июня 1941 года Нахрачи провожали первых добровольцев.

В то, что война будет долгой, не верил никто. Думали месяц — два повоюем, не больше, а потому провожали молодёжь с гармонью, песнями, плясками.

Мой милёнок на войну!
Едет защищать страну!
А я буду его ждать!
И кисет ему вязать! (Имелось в ввиду из бересты — О. И.).

Это первая частушка в Нахрачах, посвящённая войне. Тогда о войне сочиняли частушки... Добровольцы были почти из всех семей, из некоторых даже по двое-трое. Оно и понятно, семьи-то были, в основном, многодетные. Катер, причаливший к пристани, еле-еле вместил всех. Братья Беломоины, Бабкины, Богдановы, Важенины, Давыдовы, Богордаевы, Иженяковы... махали на прощанье родным и уплывали за молочно-белый горизонт в сторону далёкого Ханты-Мансийска, где большинство из них не было до этого ни разу. Уплывали в окружной военкомат. Больше половины первых добровольцев из Нахрачей тогда после морошкового грома с родными простились навсегда.

Иженяков Петр Егорович

Моему деду — Иженякову Петру Егоровичу, а тогда просто Петьке — в ту пору не было и пятнадцати, а потому не могло быть и речи о его участии в войне. К тому же на войну ушли старшие братья. Петя поступил учиться в ФЗУ и параллельно стал обивать пороги военкомата, где его не воспринимали всерьёз, во-первых, из-за возраста, во-вторых, из-за характера. Петька шутил и смеялся над всем и всеми. Рассказывали, например, что, когда его сродную сестру-красавицу решил один старый холостяк приворожить (присушить), то попросил у кого-то из подруг пару волос из её толстенной косы, Петька же, прознав про это, организовал холостяку волосы из хвоста молодой тёлки. Правда или нет, но, когда шёл тот мужик по деревне, тёлка из стойла всегда рвалась и бежала за ним... Подобных историй про моего деда не счесть.

Ближе к зиме чёрными воронами прилетели в Нахрачи первые похоронки. На одной из них стояла фамилия Иженяков... «Господи, за что забираешь молодых-то»? — выли ночами бабы и бились в остервенелой истерике. Самое, пожалуй, горькое было то, что тела погибших не привозили домой и попрощаться по-христиански родственники не могли. Просто собирались молча на поминки — и всё. И это было невыносимо. Вскоре всё село стало жить так, будто его завернули в большую траурную ленту. Встречать пароход с почтой всем селом — стало традицией. Вести с фронта тут же становились всеобщим достоянием, скупые солдатские беды и радости — темой номер один деревенских разговоров. Пятнадцати-шестнадцатилетние подростки оббивали порога военкомата

ежедневно, просились, умоляли. На будущий год, в сорок втором, некоторым «повезло», их взяли семнадцатилетними. После — снова тишина. А мечта повоевать, отомстить врагу за родных и близких не уходила. В то время на Конде были развёрнуты во всю мощь работы по лесосплаву, вековые сосны, кедры рубили и сплавляли их по реке в Ханты-Мансийск на спичечную фабрику, которая работала, как и все предприятия тогда, круглосуточно. Всё село было занято на рубке и сплаве леса, а Конда, некогда ленивая вдруг стала напоминать огромную живую лестницу.

Здесь начал работать и мой дед. С утра до ночи, наравне со взрослыми он сплавлял лес, впрочем, не только лесом снабжал Кондинск фронт, вот цитата из газеты «Ленинская трибуна» 1942 года: «Кондинцы не поставляют фронту боевую технику и боеприпасы, но под стать воинам работают они в тылу. Всенародный призыв — «Всё для фронта! Всё для Победы!» прибавляет сил даже тогда, когда их уже не остаётся. Люди забыли об отдыхе и сне. Вся тяжесть трудовых, неимоверно тяжёлых дел легла на плечи женщин, стариков и подростков. Они ловят рыбу, заготовляют лес, пушнину, корчуют лес, пашут, сеют хлеб, заготовляют корма, ухаживают за скотом».

Хозяйство по этим времена на Конде было немалое, и, почитай, всё держалось на бабьих плечах. Из 68 колхозов половину возглавляли женщины, из семи сельских Советов — в четырёх председателями работали женщины. А дети, ими выработано в колхозах больше тридцати тысяч трудодней. За годы войны выловлено рыбы — 119320 центнеров, заготовка леса ежегодно составляла около тридцати тысяч кубометров — заготовляли вручную, лес вывозили на быках, лошадях. Существовало строго фиксированное фронтовое задание по сдаче хлеба государству, вылову, пушнины, сбору ягод и выработке экстракта». (В Кондинске существовал уникальный экстракто-варочный завод, который поставлял свою продукцию еще к царскому столу).

В глубоком тылу жизнь кипела день и ночь. Дед работал, старался изо всех сил. А в военкомат его всё не звали, шли дни за днями и все, как ему казалось, впустую... Зато на работе ценили, да ещё как. Что такое благодарность от райкома комсомола? Это сейчас не все знают, а раньше — воспринималось как знак судьбы, возможность хорошей перспективы. Но — в тылу.

– Пожалуйста, очень прошу, возьмите меня на войну, а то она того... гляди и закончится. Повоевать не успею...— эти слова в военкомате от него слышали все и не раз. Впрочем, не только от него. На фронт рвались все деревенские пацаны, жизнь в тылу за жизнь

они не считали. Но им отказывали. И тогда юные головы начали строить планы побега на фронт.

...Начало очередной зимы. Всё готово к побегу. Напоследок, решили зайти к военкому с надеждой, авось, возьмёт.

– Погодите, месяцок-другой, обещаю — сказал серьёзно тот.

Стали ждать. И вот в начале апреля приходят повестки всей компании. Всем. Кроме Иженякова. Видимо, комсомол ходатайствовал за своего работника. Как тут быть? Отсиживаться в тылу? Нет, и ещё сто раз нет. Решил: бежать!

...Пароход с пристани отчаливает вместе с новобранцами, бабы ревут, причитают.

– Вы это... под пули-то шибко не лезьте, а если рукопашная будет, то становитесь боком к врагу, чтобы увернуться-то. Глядишь, и пронесёт,— учил молодёжь Варфоломей Ефимович Смоленцев, старый солдат, прошедший две предыдущие войны.

...Поднят якорь. Людской рев и гул мотора.

– Петька Иженяков! Айда с нами! Прыгай! Мы в окружном военкомате за тебя заступимся,— крикнул кто-то из отъезжающих.

Эти слова дед помнил всю жизнь. А тогда прыгнул в самую последнюю минуту, в чём был — в том и уехал.

...Эшелон, в котором ехали сибиряки, разбомбили на полпути. Все выбежали. Рядом другой эшелон, тоже весь в огне. Но тот эшелон возвращался с фронта с ранеными. Больные, покалеченные люди выползали на траву умирать и жалели новобранцев. Это первая встреча с войной.

...Поле боя. У солдат невероятная усталость и депрессия. Третий год войны. В окопах заедают вши, по очереди у завскладом просят утюг, чтобы «прожарить» бельё. На больших ящиках с хозяйственным мылом чёрные надписи «Против педикулёза». Завскладом — человек редкой подлости — часто «забывает» про фронтовые «сто грамм». Бойцы свою норму добывают у него сами. Немцы наглеют, с самолетов сбрасывают ночные горшки.

Вдруг надпись «Против педикулеза» появилась на новых ящиках. Ящики отнесли к девочкам в прачечную, а там сгущёнка. Решено молчать. Оказывается, зав. складом сгущёнку «зажал». Бойцов же он держал на хлебе и воде. Девчонки рады. Это же не похлёбка из прошлогодней капусты, к которой они привыкли. Но, информация просочилась. Найти шутника не составило труда — в части он один.

...Разбирательство было долгим, но до дисбата — дело не дошло, не для себя же человек старался. К тому же, заступились за него исключительно все. Говорят, за трое суток, которые дед

сидел под арестом — к окну заключённого солдаты протоптали тропинку.

На сибиряков возглавлялись большие надежды. Враг плотным кольцом окружил Москву, и из бинокля можно было разглядеть Кремль и купола храмов. Все понимали Москва — это всё. Атмосфера была соответствующей. О себе, семье, жизни никто не думал. Нужно было защитить Родину. В сибирской дивизии в каждой землянке на самом почётном месте висел портрет Сталина. А на груди, под рубахой, каждый или почти каждый носил маленький нательный крестик — это не дань привычке. Это связь с домом, с родными и дорогими людьми. Частенько солдаты крестики делали сами из стреляных гильз, деревенский пацан он и кузнец, и лудильщик, и столяр, и плотник — кто хошь.

На полевой кухне, где шефствовал грузин Гоги, висела иконка Георгия-Побеносоца, старые солдаты каждый раз перед ней осеняли себя крестом. К сибирским дивизиям отношение у военного командования было такое — не связываться. Пусть молятся, пусть крестятся, пусть поклоны бьют, пусть что хотят, делают!

...Тот день дед помнил всю жизнь. Но рассказывал о нём скупо и вскользь. И каждый раз почему-то от третьего лица, как будто его лично это не касалось. Немецкие войска как раз двинулись на Москву. Он с тремя однополчанами попал в кольцо. Бой спереди и сзади, справа и слева. И вот, совсем рядом, в соседнем окопе немецкая речь, запах кофе. Такой ароматный, всепроникающий. Дед его потом ненавидел всю жизнь и звал почему-то кофей. И тут, о, это хуже чего бы то ни было, один из сослуживцев поднимает руки и идёт сдаваться в плен... Потом, много лет спустя, я случайно узнала об этом и стала деда расспрашивать, он же на редкость внятно и даже чеканно произнес: «Фамилии и имени его не помню. Слышишь, не помню его. Забыл!». Они с ребятами пробрались-таки к своим, и даже «языка» взяли по дороге. Но в штабе его ждала другая, не менее ужасная новость: погибла Надежда, та, которая была для него не только надеждой в этой жизни, но и чем-то гораздо, гораздо большим. Она была его Верой во всепобеждающую Любовь. А ещё в тот день в часть привезли фильм «Два товарища» и все пошли его смотреть.

Мир разбился на много-много частей. На следующее утро передовые части, молясь и прощаясь, пошли в наступление. Всем выдали чистое бельё. Молодые ребята одевались на свидание с одной дамой — смертью. В то, что можно выжить, защищая Москву, похоже, не верил никто.

– Мороз в Москве какой-то несерьёзный, не то, что в Сибири,— делились однополчане потом со мной,— такая мерзкая, мерзкая слякоть, валенки промокают, а немцы почему-то это морозом считали и дрожали от холода. А тут перед битвой, такой ядрёный морозец ударил, прямо как дома, когда промерзает полынья. Ну, как тут не воодушевиться?

Комбат прямо спросил, что, мол, хотите услышать перед смертью? Ответили хором «Синий платочек». Его и включили, и пошли...

Москва — это больше, чем столица. Это сердце Родины. Когда батальон лыжников шёл на защиту Москвы, многие расстегнули гимнастерки, может оттого, что сделалось жарко, может, потому, что каждый хотел показать — умереть за Москву честь. Потом ползли на животе, потом стреляли. Разговорились. Дед нагнулся за папиросой, ранило товарища. «Ты это...Иженяков, брось меня. Не дотащишь, сам ростом метр с кепкой»,— шептал здоровенный детина Ваня Довлатов, истекающий кровью.

– Не выпендривайся, лучше ноги вместе держи, чтобы тащить тебя сподручнее было-то. Ваня выжил, и всю жизнь благодарил деда.

Тогда в бою дед заработал орден Красной Звезды и получил тяжёлую контузию, которая всю оставшуюся жизнь напоминала о себе.

– Самолёты гудят, летят с запасного аэродрома как пчелиный рой и по нашим, по передовым-то, бросают бомбы, впереди грохнет, приляжешь, грохот сзади. А нам надо вперёд и только вперёд, добирались перебежками. После каждой перебежки кого-нибудь не хватало. Бац — и накрыло меня землёй, грязным снегом, чьими-то останками! Кто-то заметил и откопал меня. Я помню, как всё синее в синем тумане, и будто я дома на Конде рыбу ловлю, а войны нет вовсе. И никогда-никогда не было. Потом был госпиталь в Москве, знакомство с москвичами, они говорили, чтобы приезжал к ним, когда закончится война и с куполов снимут мешки с песками.

...А в один прекрасный день в госпиталь зашёл сам Жуков! И с каждым, буквально с каждым поздоровался за руку!

– Всё вокруг будто засияло, как в начале лета над рекой после радуги — все забыли, что у кого-то не хватает рук, ног, глаз...— вспоминал дед,— стало казаться, что начинается новая хорошая жизнь.

Само собой разумеется, что после этой встречи дед удрал на фронт. Плохо слышал, чтобы ему что-то пояснить, надо было кричать, но потеря слуха не помешала бить врага. До Германии пешком дошёл. Ваты не было, кусок скрученной марли в ухо вкладывал, чтобы не дай Бог не простудить или не засорить. Научился читать по губам.

...Под Венгрией во время обхода с однополчанами нарвались на засаду. Успели убежать, но вслед им бросили гранаты. Три дня петляли по чужим болотам, пока не пробрались к своим, а нач. штаба послал домой похоронки...

Когда в далёких Нахрачах по нему справляли поминки, и в посёлке поселилась в очередной раз тяжёлая тишина, дед получал орден Отечественной войны первой степени, потом были медали «За отвагу», «За победу над Германией». Домой написал письмо, жив-здоров, но никто не поверил. В войну, увы, люди охотнее всего верили дурным вестям. Там же, в Европе получил второе ранение.

На этот раз его отправили в госпиталь надолго. Рассказывал, как кусал губы от обиды, что не может больше воевать, и как раздражала его иностранная речь. Врач предложил пройти лечение в комфортабельном военном госпитале в Вене, но больной категорически отказался.

– Зачем мне эта Европа с их поганым кофе? Отправьте-ка меня лучше в теплушке домой, в Россию.

Так и вышло. Уехал он в Россию, а в вагоне, когда все прильнули к окну, прощаясь с Европой, дед отвернулся, чтобы не смотреть. Тоска. Дома радости не было предела. Контузию скрывал, как мог. Так и женился, не сообщив бабушке. Об этом она узнала много позже, кажется, когда родила третьего ребенка, а всего детей в семье их выросло девять. Деда не стало в 1993 году, когда ему было 67 лет.

Военная специальность — снайпер.

Московская область